ИЗЪ ЖИЗНИ
НАШИХЪ ГЕРОЕВЪ ВОИНОВЪ.

Описанные здѣсь случаи нѣмецкихъ звѣрствъ взяты изъ подлинныхъ дѣлъ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи.

Изданіе Высочайше учрежденной Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи.



ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1916.

Въ борьбѣ съ нѣмцемъ.

I.

Провожать на призывъ Ванюху Тюрина да Ваську Хрѣнова высыпало почитай все село. Больно ребята-то были ладные да приворожливые.

Ванюху Тюрина жалѣли больше старики малосильные да бабы-бобылки. Коли занадобится въ пахоту помочь, али на покосѣ подсобить, а то и работишку какую мужицкую на бобылкиномъ дворѣ справить—Ванюха завсегда тутъ, какъ тутъ, съ полнымъ нашимъ удовольствіемъ.

Добёръ былъ парень, уважителенъ.

Когда, бывало, по веснѣ хаживалъ онъ крючникомъ на пристань барки грузить—село то наше подъ Саратовомъ,—старики да бабы евоные частехонько выползали за околицу поглядѣть, не вертается-ли домой ихъ работничекъ богоданненькій.

А тутъ, нàкося, гонятъ на войну подъ самаго нѣмца окаяннаго....

Оно, положимъ, на одного Ванюху десятокъ нѣмцевъ подавай—и того мало. Дѣтина роста высоченнаго, спинища широкая, хоть сохой паши, кулачищи пудовые, дастъ тютю—сразу духъ вонъ. Одно въ немъ не ладно—увертки нѣтъ у парня. Какъ затѣетъ, бывало, бороться съ ребятами, топчется на мѣстѣ, ровно медвѣдь косолапый—норовитъ всѣхъ подъ себя подмять. Синяковъ-то хоть и понаставитъ, а самъ же первымъ на земь грохнется. Въ драку Ванюха не лѣзъ, потому рука у него была больно размашиста: не ровенъ, молъ, часъ изувѣчишь кого. Да и какая драка, коли задору въ немъ нѣтъ ни капельки. Ребята не разъ пытали наскакивать, а Ванюха сидитъ, ухмыляется да лапищей своей, что котятъ, отъ себя ихъ отшвыриваетъ.

А вотъ о Васькѣ Хрѣновѣ утирали глазыньки все больше дѣвки-хороводницы, да молодухи-пересмѣшницы.

По веснѣ на лугу кто межъ дѣвокъ юлой увивается? Знамо, Васька Хрѣновъ! Заведутъ хороводъ, пѣсня звонко по рѣчкѣ разносится, а ужъ Васька въ кругу—шапка за ухомъ, выбираетъ себѣ дѣвку пò сердцу.... Вотъ мигнулъ, поманилъ.... Выплываетъ на кругъ бѣлой лебедью, павою гордою Грунька Тюрина чернобровая.... Разгорѣлася вся, словно маковъ цвѣтъ.... то плечемъ поведетъ, то платочкомъ махнетъ, поворотится—эй, отваливай! Ну, а Васька, какъ вьюнъ, то наскочитъ, какъ коршунъ на

утицу — шапкой лихо взмахнетъ, то кудрями тряхнетъ, то къ землѣ припадетъ, на, молъ, твой я на вѣкъ, моя лапушка....

А у дѣвокъ отъ Васькиныхъ вывертовъ кровь горячая ходуномъ идетъ, сладко подъ сердце подкатываетъ.... И дружнѣй и звончѣй съ переливами пѣсня дѣвичья разрастается, по зеленому лугу разливается...

Тоже вотъ и въ пору зимнюю на бесѣдахъ.... Коли Васьки нѣтъ—всѣ въ углы глядятъ, а какъ Васька въ дверь—пѣсни, плясъ въ избѣ, балалайка бренчитъ съ прибауточками, дѣвки со смѣху надрываются, рукавами отъ парней закрываются....

Хоть Ванюха Тюринъ да Васька Хрѣновъ и были по мыслямъ парни не схожіе, а ужъ друзья были закадычные. Еще больше они подружилися, какъ заслалъ Васька сватовъ къ Грунькѣ, сестрѣ Ванюхиной. Больно дѣвка-то была красовитая: коса черная ниже пояса, глаза быстрые, словно звѣздочки. Много парней за ней увивалося, да строга была Грунька Тюрина. Только Хрѣнову посчастливилось полонить ее сердце дѣвичье.

II.

Оттого ли, что Ванюха съ Васькой были съ одного села, а можетъ начальство уважило просьбу парней, только назначили ихъ обоихъ въ одинъ полкъ.

Что смѣху то было, какъ Ванюху стали обламывать, военному артикулу выучивать.

Сопитъ, потѣетъ парень, изо всѣхъ силъ старается, а шагать въ ногу, что хошь, не можетъ. Ужъ мучился съ нимъ старшой, мучился, и ругался то, и плевался то, еле-еле парня выучилъ. А какъ дошло дѣло до поворотовъ—шабашъ, хошь ложись да помирай: ему кричать—направо, а онъ налѣво оборачивается, ему—налѣво, а онъ направо претъ. Бился, бился старшой да и рукой махнулъ:

— Ужъ и гдѣ такихъ обломовъ выращиваютъ!?

Изъ ружья палить Ванюха живо навострился, и штыкомъ сталъ колоть по-военному; только сподручнѣй ему было не колоть, а прикладомъ бить. Какъ ухватится за дуло да зачнетъ размахивать прикладомъ во всѣ стороны, только свистъ идетъ, да солдаты кругомъ пятятся, головами покачиваютъ:

— Ишь вѣдь силища!... Наградитъ же Господь!...

А вотъ Васька, парень ловкій да покладистый, тотъ живо всѣмъ потрафилъ. Самая эта муштра военная далась ему съ первой же указки. Старшой, какъ увидалъ ловкость его да понятливость, доложилъ о немъ ротному, и Васькѣ живо было приказано обучать товарищей за старшого.

Ходитъ это Васька по плацу, команду выкрикиваетъ, шутками да при баутками сѣрыхъ увальней донимаетъ.

А какъ съ ученья пойдутъ всею ротою да заведутъ лихую пѣсн солдатскую, голосъ чей звонче всѣхъ заливается? Все его же, Васьк Хрѣнова.

— Душа парень,—хвалятъ товарищи.

— Бравый солдатъ,—одобряетъ начальство.

Послѣ выучки повели партію къ присягѣ.

Передъ Св. Крестомъ - Евангеліемъ чинно стали въ ряды парни бравые, обряженные въ шинели по-военному. Командиръ имъ сказалъ наставленіе. Подняли они вверхъ руки правыя со сложенными перстами по-молитвенному и раздѣльно, звучно клятва крѣпкая понеслась къ небесамъ ко Всевышнему. Лечь костьми, клялись, за Вѣру православную, за Царя нашего Батюшку, за Святую Русь родимую, защищать ихъ отъ злыхъ недруговъ до послѣдняго издыханія... И свершилося тутъ чудо чудное—снизошла благодать съ высоты небесъ... Запылало огнемъ сердце русское, закипѣла въ груди любовь къ родинѣ, забурлила въ крови сила грозная, засверкали въ глазахъ искры-молоньи... Уже не парни подходятъ несмысле́нные ко Святымъ Кресту-Евангелію, то лобзаютъ святыни православныя наши русскіе чудо-витязи, богатыри - герои солдатушки...

Живо снарядили партію и отправили по чугункѣ въ полкъ. Ѣхали долго. Ванька валялся на доскахъ въ вагонѣ, всѣ бока отлежалъ, а Хрѣновъ всю дорогу потѣшалъ товарищей гармошкой да пѣснями залихватскими...

Полкъ стоялъ на позиціяхъ.

Какъ пріѣхали, такъ прямо съ поѣзда и развели партію по окопамъ. Тюринъ и Хрѣновъ опять попали въ одну роту.

Они живо въ окопахъ осмотрѣлися и зажили тамъ, что въ своей избѣ. Наплевать имъ стало и на уханье пушекъ, и на вой шрапнели, и на свистъ пуль. Тюринъ послѣ смѣны заляжетъ себѣ въ землянку и храпитъ во всѣ носовыя завертки, а Хрѣновъ, чуть оторвется отъ винтовки, схватитъ гармошку или балалайку—онъ и ее приволокъ въ окопы—и ну выводить съ гикомъ да присвистомъ звончѣй самой шрапнели:

И ахъ, вы, нѣмцы, грибъ вамъ въ ротъ,
Распреподлый вы народъ!
И вотъ и ка̀аалина,
И вотъ и ма̀аалина...

— Молодецъ Хрѣновъ! Такъ его, пса! Лупи! Раздѣлывай!—подбадриваютъ кругомъ солдатики.

А Васька еще пуще наяриваетъ:

Русскій на руку чижолъ—
Нѣмцу всадитъ въ спину колъ!
И вотъ и каалина,
И вотъ и мáаалина...

III.

Передовой окопъ нашъ рытъ былъ по ровному полю. Почитай на версту отъ насъ бороздился нѣмецкій окопъ, а влѣво отъ него обозначался лѣсъ. Что дѣется за этимъ лѣсомъ да вражескимъ окопомъ—хошь въ три трубы смотри, ничего не увидишь, потому поле дальше низилось, и нѣмцу за бугрóмъ-то способно готовить невѣдомо для насъ всякія пакости.

Какъ-то разъ подъ вечеръ сидятъ въ землянкѣ солдатики, попиваютъ чаекъ да попыхиваютъ махорочкой, а кругомъ пальба, грохотъ, земля дрожитъ.

Хрѣновъ трынкаетъ на балалайкѣ, а Тюринъ дрыхнетъ въ углу, разметался весь.

Потянулъ Васька за ногу Тюрина.

— Вставай, Ванюха, чай пить—ишь вѣдь разоспался, боровъ! Лежитъ, ровно въ избѣ на печи. Слышь, какъ нѣмчурà-то злобствуетъ.

— А ну его къ дьяволу!—почесываетъ поясницу Ванюха.—Надоѣлъ онъ мнѣ проклятущій.

— Али не по вкусу шрапнели да бомбы нѣмецкія?

— Что шрапнели? Шрапнели—тьфу! Этой самой шрапнели у насъ у самихъ хоть отбавляй. Надысь, какъ наши зачали палить—живо нѣмцу глотку заткнули... А ты въ окопы то не прячься—выходи на поле, вотъ тогда и посмотримъ, чья возьметъ... Эхъ, братцы!—засучилъ Ванюха рукавъ—коли мы пойдемъ съ нѣмцами въ рукопашную, да растревожатъ они меня окаянные,—вотъ те Христосъ, цѣлый десятокъ вотъ этимъ самымъ кулакомъ уложу.

— Ишь Аника-воинъ! А ты, поди-ка выколупай нѣмца изъ окопа.

— Прикажутъ, братъ, со дна моря добудемъ. Да только приказу-то нѣтъ,—вотъ горе...

Въ землянку просунулась всклокоченная борода взводнаго Петренки.

— Выходи ребята—ротный требуетъ.

Мигомъ повыползли солдатики изъ норъ земляныхъ, вытянулись по окопу.

Вышелъ изъ своей землянки ротный—высокій старикъ, любимецъ

всей роты—поздоровался, прошелъ по ряду, приказалъ сгрудиться на площадкѣ.

— Братцы!—заговорилъ онъ.—Пришелъ приказъ вызнать—высмотрѣть, что тамъ дѣется у нѣмцевъ за бугромъ: много ли у нихъ силы наготовлено, гдѣ войска да орудія у нихъ понаставлены. Этой ночью подъ утро надо будетъ десятерымъ охотникамъ проползти поле до лѣсу, пробѣжать въ разсыпную на ту сторону лѣса на опушку, а тамъ внизъ пойдетъ поле скатертью—видно будетъ все, какъ на ладони, верстъ на десять. На опушку надо выбраться съ разсвѣтомъ, а то въ потемкахъ ничего не увидишь. Ворочаться назадъ придется утромъ подъ нѣмецкими пулями... Сами, братцы, видите—развѣдка опасная. Лѣсъ полнехонекъ нѣмцами. Надо быть готовыми и въ плѣнъ попасть къ нѣмцамъ-мучителямъ, и раны принять тяжкія, да и самую жизнь свою положить подъ выстрѣлами... Подумайте объ этомъ, братцы, хорошенько... Не таюсь—зову на смерть почти вѣрную...

Ротный замолчалъ...

Запылали лица у солдатиковъ, молча стоятъ, не спускаютъ глазъ съ ротнаго.

Походилъ ротный по окопу, покурилъ папиросу, потомъ скорымъ шагомъ подошелъ къ солдатамъ и громко скомандовалъ:

— Смирно!

Солдаты повытянулись.

— Охотники! Поднимай руки!

Какъ одинъ человѣкъ подняли руки солдатики всѣ до единаго.

Задрожалъ сѣдой усъ у ротнаго. Заволокло каріе глаза слезою непрошеною...

— Герои мои храбрые! Не ошибся я! Спасибо вамъ, чудо-богатыри!

— Рады стараться Ваше Высокоблагородіе,—гаркнули герои....

— Только, братцы, всеже вы между собой разсудите, кому сподручнѣе на развѣдку пойти. Нужно 10 человѣкъ, не больше.

Ротный пошелъ по окопу а солдаты загалдѣли, заспорили, что бабы на базарѣ.

Не успѣлъ ротный дойти до конца окопа, какъ нагналъ его фельдфебель.

— Ваше Высокоблагородіе! Ничего съ ними не подѣлаешь, шумятъ, спорятъ—всѣ хотятъ идтить... Разрѣшите жеребьевку...

— Ладно, пусть тянутъ жеребіи.

Живо нарвали изъ газетины билетиковъ, на десяти поставили мѣтку-кресты, свертѣли и высыпали въ шапку.

— Тяни, ребята!

Вытягивалъ солдатъ билетъ съ крестомъ, крестился и радостно отходилъ въ сторону. А Хрѣновъ, какъ вытянулъ крестъ, съ радости швырнулъ вверхъ шапку, да такъ, что она шлепнулась за окопъ къ нѣмцамъ. Васька мигомъ прыгнулъ, цапнулъ шапку и—въ окопъ, только пули надъ головой зажужжали.

А солдаты съ пустыми билетиками топтались на мѣстѣ, хмурились, бранились. Вытянулъ Тюринъ пустой билетъ—даже съ лица измѣнился. А Васька подускиваетъ:

— Куда тебѣ, Ванюха, въ развѣдку! Ступай въ уголъ, въ землянку, дрыхни!...

Подошелъ ротный.

— Ваше Высокоблагородіе,—заскулилъ слезливо Тюринъ.—Не попалъ я—пустышку вытянулъ! Явите божескую милость, дозвольте съ ними.

— Нельзя, Тюринъ, нельзя. Больше десяти никакъ нельзя.

— Ваше Высокоблагородіе! Къ нѣмцу вѣдь я не притрогивался! Истосковался! Дозвольте хоть разокъ пощупать по-настоящему.

— Нельзя. Вотъ будетъ атака, пощупаешь.

— Ваше Высокоблагородіе,—не унимался Тюринъ,—дозвольте душу отвести!... Будьте отецъ родной! Въ атаку—то само собой.

Разжалобилъ ли Ванюха ротнаго словами слезливыми, али почуялъ самъ сѣдой вояка, что силушка русская кипитъ-бурлитъ въ солдатѣ, на волю просится, терзаетъ душу богатырскую,—подумалъ ротный, подумалъ, взглянулъ таково любовно на Тюрина и сказалъ:

— Ну, такъ и быть, Тюринъ, иди съ ними!

Тюринъ обрадовался—ногъ подъ собой не слышитъ.

Подошелъ ротный къ охотникамъ.

— Ну, ребята, благослови васъ, Господи, на подвигъ!

Всѣ сняли шапки—набожно перекрестились.

— Помни: въ лѣсу идти въ разсыпную! Доберешься до опушки—не зѣвай! Гляди въ оба! Ѣшь глазами на всѣ стороны! Какъ разсмотришь все—убѣгай назадъ... Ну, съ Богомъ! Готовьтесь!

IV.

Ночь....

Кто тамъ по полю, полю ратному, словно змѣй ползетъ, извивается, къ лѣсу темному подбирается? То ползутъ гуськомъ чудо-витязи на развѣдку лихую, молодецкую... За плечомъ винтовка не шелохнется... Въ

тьму впилися очи зоркія... ухо ловитъ шорохъ вражескій... А съ небесъ, съ вышины, очи Божьи глядятъ, предразсвѣтной слезой застилаются...

Змѣй уползъ... Чу, въ лѣсу тихій стонъ. Что-то грузно въ кустахъ повалилося... Хрѣновъ вытеръ свой штыкъ о траву...

Выстрѣлъ...

— Братцы! Скоро разсвѣтъ! Не зѣвай! Выбѣгай на опушку живѣе!

Лѣсъ загудѣлъ... Бросились чудо-герои впередъ въ разсыпную... Близко опушка!... Только бы глазомъ окинуть!.. только бы!..

Залпъ...

Засвистѣли нѣмецкія пули... Учуялъ налетъ молодцовъ нѣмецъ проклятый... Вой, трескъ, мечутся тѣни по лѣсу въ потемкахъ... Претъ изъ кустовъ, ровно боровъ, на Тюрина нѣмецъ... Свиснулъ прикладъ—въ дребезги черепъ...

Ущупалъ Ванюха на дерево лазъ. Закинулъ за плечи винтовку и смѣло полѣзъ на верхушку.

— Врешь, нѣмчура, отъ меня, братъ, не скроешься! До опушки добѣгъ—ужъ ни съ чѣмъ не вернуся я къ ротному!.. Вонъ, отсюда видать чуть не на десять верстъ—всѣ твои потроха я повысмотрю...

Дерево было высоченное, верхушка густая, да кудрявая. Должно, какъ мы отступали, да въ клещи къ себѣ нѣмца заманивали, на деревѣ томъ наша вышка была.

Разсѣлся Тюринъ на вышкѣ бариномъ. Только нѣтъ-нѣтъ, да и почешетъ затылокъ.

— А вѣдь сижу-то я ровно дятелъ. Запримѣтитъ нѣмецъ—сковырнетъ пулей, какъ пить дать...

Выкатилось солнышко изъ-за лѣсу, закурился, истаялъ туманъ утренній, обозначились на полѣ вражьи подступы. Понарыты тайники въ землѣ, батареи стоятъ гнѣздами... Тамъ пѣхота, тамъ вонъ конница... Все дозорами позаставлено...

Вдругъ услышалъ Тюринъ—идетъ по лѣсу кучка нѣмцевъ и прямехонько направляется къ его дереву высоченному.

— Ну, капутъ теперь, запримѣтили. Вотъ и смерть пришла... Что жъ, давай, умремъ, коли надобно. Только Груньку жаль. Ну, а Богъ—отъ на што? Да и Васька ея не оставитъ...

Тюринъ взялъ на прицѣлъ нѣмца рослаго...

— Что за диво? Прошли мимо дерева... Что-то ищутъ...

Наклонился Ванюха, прищурился; видитъ, кто-то лежитъ весь израненный, словно мертвый, въ крови, не шевелится.

Знать, учуялъ бѣдняга, что люди идутъ... приподнялся тихонько онъ на руку...

— Мнѣ водицы испить!... Умираю!...

Подошелъ къ нему нѣмецъ, взглянулъ, усмѣхнулся, поднялъ штыкъ и... воткнулъ ему въ грудь...

— Да вѣдь это Петренко нашъ!... Ахъ, живодеры! Такъ вотъ же тебѣ нѣмчура—ступай къ дьяволу въ пекло!

Вскинулъ Ванюха винтовку, прицѣлился.... Только вдругъ ему вспомнился ротный и приказъ его—вывѣдать, высмотрѣть....

Опустилась рука.

— Нѣтъ, не ты, окаянный, отвѣтишь мнѣ за товарища!.. Погоди, мы придемъ и побьемъ всѣхъ васъ иродовъ!..

Впился Ванюха глазами въ окопы нѣмецкіе, не смигнувъ, смотрѣлъ на поганыя силы вражескія, да такъ и просидѣлъ, не шелохнувшись цѣлый день до самой дó ночи...

Вызвѣздило...

Тихонько слѣзъ Тюринъ съ дерева и пустился назадъ въ свои окопы. И на брюхѣ-то онъ ползъ пò лѣсу, и на четверенкахъ пробирался сквозь кусты да прогалины. Ползъ онъ добрыхъ три часа и добрался таки до самаго, почитай, конца лѣса.

Вдругъ учуялъ Ванюха — вдали ровно сучья трещатъ... ближе... ближе... Слышна ужъ нѣмецкая рѣчь... Притаился и видитъ: какъ разъ на него куча нѣмцевъ дозоромъ идетъ... Не стерпѣла душа, закипѣла въ крови удаль русская, молодецкая, налились, словно мѣдью, плечи крѣпкія, богатырскія, повернулъ онъ винтовку прикладомъ вверхъ—и какъ волкъ матерой Тюринъ ринулся въ толпу недруговъ, подлыхъ извергов... Загудѣла винтовка словно мельница, затрещали подъ ней лбы безстыжіе, повалилися на земь кровью залитые нѣмцы, пьяные, опалѣлые...

Всѣхъ свалилъ Ванюха дò чиста.

Посчиталъ онъ—вышло семь мертвецовъ. Восьмой нѣмецъ съ перебитымъ плечомъ копошился въ кусту—ладилъ спрятаться. Выволокъ его Тюринъ зà воротъ, сгребъ въ охапку винтовки нѣмецкія, прихватилъ и свою измочаленную, да прямешенько съ нѣмцемъ, съ ружьями покатилъ черезъ поле къ товарищамъ.

Богъ Ванюху хранилъ. Засвистали нѣмецкія пули, да ужъ до окопа было рукой подать. Ввалился Тюринъ въ окопъ—всѣ товарищи рты поразинули. Въ одной рукѣ—охапка винтовокъ, въ другой—нѣмецъ мотается.

— Братцы, Тюринъ вернулся!!. Ура!!. Языка приволокъ! Восемь ружей забралъ! Молодецъ, Тюринъ! Ай да Ванюха! Ураа!!..

Васька Хрѣновъ отъ радости прыгалъ козломъ. По окопамъ «ура» разносилося, черезъ поле въ лѣсу откликалося...

Повели Ванюху къ ротному.

Долго ротный его разспрашивалъ. Все, какъ есть, записалъ себѣ въ книжечку.

— Ну, спасибо, герой! Жди награды теперь! Службу ты сослужилъ намъ великую!....

Черезъ день грянулъ бой, да такой огневой, что отъ нѣмцевъ мокренько осталося...

А Ванюхѣ на грудь полковой командиръ передъ цѣлымъ полкомъ два Георгія сразу повѣсилъ.

V.

Хоть и радъ былъ Хрѣновъ, во какъ былъ радъ, что Ванюха кавалеромъ задѣлался, а какъ взглянетъ, бывало, на Тюрину грудь,— брови хмурятся, на сердцѣ—зудъ надоѣдливый.

Долго Васька молчалъ, долго ёжился. Только все-жъ не стерпѣлъ— пошелъ къ ротному.

— Ваше Высокоблагородіе, дозвольте на развѣдку пойти. Гдѣ что нужно, все вывѣдаю. Вотъ те Христосъ, вывѣдаю! Ловокъ я и увертливъ, нѣмцу въ лапы не дамся.

— Ладно, Хрѣновъ. Коли храбръ ты да ловокъ, такъ вотъ тебѣ задача: проберись въ тылъ къ нѣмцу, разузнай, велика-ли у нихъ сила ратная, сколько пушекъ, гдѣ онѣ понаставлены, не готовятъ ли на насъ газы ядовитые. Даю тебѣ сроку два дня. Коли толкомъ развѣдаешь, будетъ и у тебя Георгій.

— Слушаю, Ваше Высокоблагородіе! Счастливо оставаться!

— Повернулся Васька, щелкнулъ каблукомъ и шмыгнулъ въ окопъ.

Мигомъ распростился онъ съ товарищами, скинулъ гимнастерку, сунулъ за пазуху гармошку, воткнулъ за голенище ножъ и сгинулъ въ кустахъ.

Почитай верстахъ въ пяти отъ окоповъ была деревушка махонькая— Ручьи прозывалась. Жилъ въ ней дѣдъ Онисимъ со снохой Марьей да съ жиличкой Ѳеклой. Какъ была еще деревня въ нашихъ рукахъ, захаживалъ къ нимъ Васька Хрѣновъ поиграть бабамъ на гармошкѣ, да покалякать съ дѣдомъ о войнѣ. Любилъ старикъ поругать нѣмца—хлѣбомъ не корми.

Вотъ въ эту-то деревушку и ладилъ Васька попасть ко свѣту. Гдѣ ползкомъ, а гдѣ и бѣгомъ добрался-таки Хрѣновъ до околицы. Онъ ужомъ проползъ по задворкамъ къ хатѣ дѣдовой... Осмотрѣлся—караула нѣтъ.

Онъ тихохонько постучалъ въ окно. Пріоткрылось окно — Марья выглянула.

— Ты отколь проявился, отчаянный?! Лѣзь въ калитку скорѣй! Нѣмцы только что вышли отсюдова!..

Прошмыгнулъ Васька въ калитку.

Встрѣтилъ его дѣдъ, какъ родного. Разсказалъ Васька, что онъ выпросился у ротнаго на развѣдку и какъ онъ надумалъ нѣмца надуть.

Дѣдъ только головой покачалъ.

— Ой, Хрѣновъ! И смѣлъ ты, и увертливъ, а только смотри, какъ бы тебя нѣмецъ не перехитрилъ. Ужъ больно ты отчаянное дѣло задумалъ.

А Васька сидитъ, ухмыляется.

— Нѣмецъ, дѣдушка, хитеръ, да только на пакости, а въ чемъ другомъ—русскій завсегда заткнетъ его за поясъ. Вотъ увидишь, какъ я его объегорю!.

Пришло утро. Попили чайку.

Обрядился Васька по мужицкому, взялъ узду и пошелъ себѣ на поле. Идетъ прямо къ нѣмцамъ, поглядываетъ, на гармоникѣ пѣсню наигрываетъ. Видитъ, ѣдетъ дозоръ на коняхъ. Васька пуще сталъ пѣсню наяривать.

Нѣмцы разомъ къ нему. Васька—низкій поклонъ.

— Я, де, сынъ старика, вонъ оттедова, изъ Ручьевъ....

Поглядѣли нѣмцы на гармошку—осклабились. А ужъ Васька смекнулъ—дернулъ «барыню». То плечомъ поведетъ, то гармошкой взмахнетъ, и присвистнетъ-то, и пристукнетъ-то, словно такъ-бы вотъ въ плясъ и пустился.

Побалакали нѣмцы промежду себя и старшой приказалъ Ваську въ плѣнъ забрать и къ себѣ посадилъ его за спину.

Цѣлый день водили Хрѣнова по окопамъ да по батареямъ. И плясалъ-то онъ и на гармошкѣ игралъ—потѣшалъ хмельныхъ солдатъ съ офицерами.

На утро отправили его съ конвойнымъ въ тылъ.

Все Васька высмотрѣлъ, что надобно, хоть сейчасъ готовъ дать отчетъ ротному. Только какъ-бы вотъ отъ плѣна избавиться?...

Проходить имъ пришлося по лѣсу. Отдохнуть захотѣли. Сѣли рядышкомъ. Нѣмецъ ногу натёръ—разуваться сталъ, а ружье положилъ тутъ же на землю. Васька смирно сидитъ, по верхушкамъ глядитъ: я, молъ, глупенькій... Вдругъ какъ схватитъ ружье... разъ—и нѣмецъ лежитъ, а въ груди штыкъ торчитъ—растянулся конвойный колодою...

Хрѣновъ живо стянулъ съ плечъ нѣмецкихъ шинель, нарядился въ

нее, каску на́-лобъ надѣлъ, взялъ ружье и пошелъ важнымъ нѣмцемъ къ деревнѣ Ручьи.

Какъ увидѣлъ дѣдъ Ваську ряженаго, да услышалъ, какъ онъ нѣмцевъ надулъ, все повывѣдалъ, да повысмотрѣлъ—покатился старый сò смѣху.

— И востеръ же ты, парень, на выдумки... Одурачилъ ты нѣмцевъ по-русскому. Ну, теперь покормить тебя надобно... Марья, дай-ка щецъ нѣмцу-Хрѣнову.

Вдругъ вбѣгаетъ жиличка—кричитъ:

— Хрѣновъ, нѣмцы!! Бѣги! Ужъ къ воротамъ идутъ!

Дѣдъ затрясся...

— Васька, лѣзь на чердакъ! Лягъ плотнѣй у трубы, не дыши!

Хрѣновъ выскочилъ въ дверь и вбѣжалъ чуть не лётомъ подъ крышу.

Притулился въ углу, а сквозь щелку ему видно все и въ избѣ и наружу.

Ввалился въ избу, словно боровъ, толстенный нѣмецкій офицеръ съ двумя солдатами, сѣлъ на лавку и велѣлъ подать себѣ кофей. Только что началъ онъ пить, какъ въ сѣняхъ застучали прикладами. Заметался храбрецъ по избѣ: «Русъ»! «Козакенъ»!—кричитъ. И полѣзъ было въ окно на-утекъ, да распахнулась дверь, а въ сѣняхъ-то стоятъ шестеро усатыхъ нѣмецкихъ солдатъ съ ружьями, держатъ за руки двухъ нашихъ казаковъ-сибиряковъ.

Закричалъ офицеръ, затопалъ, разъярился, полѣзъ было на казаковъ съ кулаками, да вдругъ замолкъ...

Слышитъ Васька съ чердака: нѣмецъ что-то съ солдатами сговаривается. Смотритъ въ щелку—рожи злобныя... Приволокли веревокъ, скрутили казаковъ по рукамъ крѣпко-на крѣпко.

Отомкнулъ офицеръ штыкъ отъ ружья, подошелъ къ казакамъ и.. началъ показывать солдатамъ, какъ нужно у казаковъ отрѣзать носы, уши, губы, щеки... Какъ увидѣла это Марья, замертво повалилась на полъ, а жиличка Ѳекла завыла на всю избу.

— Берите ихъ въ плѣнъ, не мучайте!

Дѣдъ стоитъ въ углу—плачетъ, старый, навзрыдъ.

Захлопнулъ офицеръ дверь въ избу. Вывели казаковъ на дворъ и стали нѣмцы, изверги окаянные, мучить нашихъ героевъ солдатиковъ. Подошелъ къ казаку нѣмецъ, взялъ за носъ—отрѣзалъ его на̀-чисто... Застоналъ казакъ, сталъ молитвы читать... Подошелъ другой—ухватилъ за щеку, полоснулъ штыкомъ—повисла щека на нижней скулѣ; третій губы отрѣзалъ, четвертый—другую щеку...

Мало было нѣмчурѣ поганой издѣвательства—добыли гдѣ-то бензина, принесли свѣчу. Брызнуть бензиномъ въ лицо казакамъ, подожгуть свѣчой да и радуются, какъ глаза-то лопаются, кожа трескается....

Хрѣновъ смотритъ въ щель—самъ ни живъ ни мертвъ.

— Господи! Да неужто это люди, а не дьяволы?!... Пошли, Господи, скорую кончину мученикамъ!..

Знать услышалъ Господь молитву Хрѣнова. Повели казаковъ за сарай на зады... Залпъ раздался... Предстали къ престолу Всевышняго души русскихъ, замученныхъ нѣмцами...

Только отошли нѣмцы отъ избы, какъ Васька спрыгнулъ съ чердака, шмыгнулъ въ калитку и, крадучись, сталъ пробираться за околицу.

Въ послѣдней разоренной избѣ залегъ Хрѣновъ до потёмокъ, а какъ ночь пришла, побѣжалъ къ своимъ окопамъ—объявился передъ всѣми нѣмцемъ ряженымъ.

Опять загудѣлъ окопъ, зарадовался, закричалъ «ура» Васькѣ Хрѣнову. Задушилъ было Тюринъ Ваську съ радости, что и онъ героемъ задѣлался.

Хрѣновъ прямо пошелъ къ ротному. Разсказалъ, что̀ узналъ и увидѣлъ у нѣмцевъ. Ротный диву дался.

— Ну, спасибо тебѣ! Ужъ и ловокъ же ты! Жди награды за подвигъ твой рѣдкостный.

Вмигъ узнали въ окопахъ, какъ мучили нѣмцы казаковъ. Гурьбой хлынули солдаты къ ротному. Просятъ, молятъ разрѣшить биться съ нѣмцами.

— Смерть мучителямъ окаяннымъ! Мы въ клочки разорвемъ нѣмцевъ-изверговъ!...

Въ ту же ночь и окопы, гдѣ Васька у нѣмцевъ плясалъ, и деревня Ручьи были въ нашихъ рукахъ...

Хрѣновъ въ славу вошелъ вмѣстѣ съ Тюринымъ. На груди у него заблестѣлъ крестъ Георгія.

VI.

Занялася заря...

Изъ-за облачка серебристаго улыбнулося красно-солнышко... Оно брызнуло струей самоцвѣтныхъ камней, и разсыпались тѣ камни свѣтлой ризою по зеленому лугу въ даль широкую....

Въ дымкѣ розовой стройно движется, по нарядным флажкамъ размѣщается наше воинство православное, въ битвахъ съ нѣмцами закалённое... То̀ пришли на лугъ съ поля ратнаго наши храбрые чудо-витязи на великій пиръ, русскій праздничекъ—передъ очи предстать Царя-Батюшки.

Вонъ пѣхота рядами построилась, проскакала лихо конница, прогремѣла артиллерія... Всѣ глядятъ, не сморгнутъ, въ одну сторону...

Божій храмъ за рѣкой къ небу высится, а надъ нимъ Крестъ Святой въ синевѣ небесъ весь въ сіяньи лучей кротко свѣтится...

Чу, раздался трезвонъ!.. Донеслись издали звуки музыки. По лугу прокатился командный кличъ, всколыхнулись войска, какъ одинъ человѣкъ... Стихли... Замерли...

На конѣ вдали показался Царь....

То не голубь въ силкахъ трепыхается, рвется, просится на свободушку, то колотится въ груди витязей сердце русское богатырское... Оно рвется навстрѣчу Родимому, хочетъ въявь показать, какъ полно оно неизбывной любви, вѣрноподданства къ своему Вождю-Императору...

Ближе крики «ура»... Слышнѣй музыка...

На краю полка богатырь стоитъ. Ростъ саженный, плечи мощныя, на груди блестятъ два Георгія. Это—Тюринъ нашъ, свѣтелъ, радостенъ: вѣдь увидитъ онъ на-яву, вотъ здѣсь, самого Царя—Царя Батюшку!!.

На конѣ, озаренъ яркимъ солнышкомъ, тихо, шагомъ, со свитой, приблизился Царь... Сколько скорбныхъ заботъ, сколько ласки, любви на лицѣ Его царственномъ свѣтится... Боже, дай Ему силъ! Помоги пережить время тяжкое звѣрской войны!...

Оглянулся Царь. Что-то тихо спросилъ. Осадилъ коня передъ Тюринымъ.

Весь затрясся Ванюха отъ счастья, отъ радости.

Царь взглянулъ на него и сказалъ громкимъ голосомъ:

— Тюринъ, Я знаю о твоемъ подвигѣ. Спасибо тебѣ!

Что̀ шрапнель взорвалась въ глоткѣ Тюрина—такъ онъ рявкнулъ въ отвѣтъ Царю-Батюшкѣ:

— Радъ стараться, Ваше Императорское Величество!!!

Дальше тронулся Царь....

Загремѣло «ура». Звуки гимна волной разливаются, а въ отвѣтъ на Царево «спасибо» кругомъ счастье, радость въ сердцахъ разрастается....

Слышишь, нѣмецъ—злодѣй, австріякъ—лиходѣй, слышишь нехристь поганая—турокъ?! Это крики восторга могучей Руси предъ исконнымъ своимъ Государемъ... Самодержецъ Царь и Святая Русь тысячелѣтнею скованы жизнью. Не смутишь ты Руси, не осилишь Царя! До послѣдняго всѣ мы пойдемъ на тебя! Ты злодѣйствомъ силенъ—мы сильны правотой, вѣрой въ Бога, любовью къ Царю!..

Трепещи!!!....

Горе плѣннымъ.

(Изложенное взято изъ дѣлъ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи).

... Была ясная поздняя осень.

Косые красные лучи заходящаго солнца освѣщали замерзшія борозды давно непаханнаго поля и желтый коверъ осыпавшихся листьевъ у опушки лѣса.

У оголенныхъ деревьевъ виднѣлась будто застывшая толпа людей въ сѣрыхъ шинеляхъ.

То была партія русскихъ солдатъ, человѣкъ въ сто, только что взятая нѣмцами въ плѣнъ послѣ недавняго боя.

Плѣнныхъ окружало нѣсколько пѣшихъ нѣмецкихъ солдатъ съ примкнутыми къ ружьямъ штыками и десятокъ всадниковъ на плохенькихъ. некормленныхъ лошадяхъ.

И наши и нѣмцы хмуро молчали.

Посреди толпы плѣнныхъ на землѣ сидѣли и лежали нѣсколько раненыхъ и тихо стонали.

— Сердешный мой! Чѣмъ тебѣ пособить?—промолвилъ молодой солдатъ съ открытымъ загорѣлымъ лицомъ, склоняясь надъ стонавшей сѣрой фигуркой, у которой голова ушла въ поднятый воротникъ шинели.

— Ахъ, Мишутка! Мочи нѣтъ: нога вся перебита,—всхлипнула дрожащимъ голосомъ фигурка, и еще больше съёжилась, словно боясь чего-то.

У Мишутки отъ этого голоса, полнаго страданія, сжалось сердце и онъ на минуту позабылъ то, что пережилъ за этотъ, самый страшный въ его жизни, день.

А страху было такъ много, что въ головѣ Мишутки все путалось, какъ только онъ начиналъ приводить свои мысли въ порядокъ.

Онъ помнилъ хорошо, что еще утромъ взводный сказалъ, что ожидается общая атака нашего расположенія. Да и безъ него всѣ въ ротѣ знали, что нѣмецъ «попретъ» «безпремѣнно», такъ какъ съ ночи по окопамъ стрѣляли ураганнымъ, безудержнымъ огнемъ и жужжанье пуль становилось все грознѣе и шире...

Нѣмецъ готовился. А въ полдень начался такой адъ, что, при воспоминаніи объ этомъ, мурашки бѣгали по спинѣ и, какъ говорится, душа уходила въ пятки.

Нѣсколько разъ снаряды падали около окоповъ, гдѣ находилась рота Мишутки, и при взрывѣ вырывали глубокія воронки, засыпая на-

шихъ землей и осколками. Убитыхъ и раненыхъ было много и видъ ихъ внушалъ ужасъ Мишуткѣ.

Въ головѣ было тяжело и передъ глазами стлался какой то синеватый туманъ.

Вдругъ, въ этомъ туманѣ передъ Мишуткой обрисовались идущіе къ окопамъ люди, фигуры которыхъ росли и росли...

— Нѣмцы!—крикнули солдаты.

И это слово, повторяемое раньше сотни разъ, къ которому всѣ привыкли, странно ошеломило сознаніе Мишутки, и онъ, забывъ все на свѣтѣ, почувствовалъ, что приходитъ его конецъ, что выхода уже нѣтъ...

Но, какъ-то противъ воли, у него зажглась другая мысль: что надо спасти, во что бы то ни стало, жизнь, какой бы то ни было цѣной.

Словно въ полуснѣ онъ бросилъ винтовку и поднялъ вверхъ руки, и его нисколько не удивило, что и другіе сдѣлали тоже.

Къ Мишуткѣ подбѣжалъ толстый, квадратный, на короткихъ ногахъ солдатъ въ сѣрой каскѣ и, что-то крикнувъ, схватилъ его за бортъ шинели и выпихнулъ изъ окопа.

Передъ окопами собирались уже и остальные солдаты. Ихъ окружили нѣмцы и погнали черезъ поле къ своему расположенію.

Полная безучастность къ окружающему стала смѣняться у Мишутки животной радостью, что онъ живъ и что жизнь его въ безопасности.

Ихъ привели къ опушкѣ лѣса и поставили въ ожиданіи другой партіи.

— Охъ, тяжко мнѣ!...—донесся вздохъ сѣрой фигурки и пробудилъ сознаніе Мишутки.

Онъ стряхнулъ послѣднія воспоминанія и наклонился надъ стонавшимъ. Тотъ уже лежалъ, опрокинувшись навзничь, и хваталъ руками воздухъ, а раскрывшіяся полы шинели обнаружили окровавленныя лохмотья штановъ и сквозь эти лохмотья виднѣлись куски растерзаннаго тѣла.

Въ это время съ противоположной стороны поля подошла новая партія нашихъ плѣнныхъ, раза въ три бóльшая, чѣмъ та, которая находилась у опушки лѣса и, присоединившись къ ней, остановилась, но не надолго, такъ какъ нѣмцы, прокричавъ слова команды, погнали всѣхъ дальше отъ мѣста боя, очевидно, боясь, чтобы подошедшія наши подкрѣпленія не выручили захваченныхъ товарищей.

— А какъ же ты?—обратился Мишутка къ тихо стонавшей сѣрой фигуркѣ, но въ это время нѣмецкій солдатъ закричалъ на него и кулакомъ ударилъ въ спину, чтобы онъ не задерживался.

Господи! Да неужели бросить страдальца? Развѣ это возможно?— воскликнулъ Мишутка, но тогда нѣмецъ замахнулся на него прикладомъ.

— Родимые! Голубчики, выручите!..—закричалъ лежавшій на землѣ солдатикъ.—Возьмите съ собой... Спасите христіанскую душу!..

Мишутка и другой солдатъ, постарше его, Иванычъ, хотѣли было подойти къ раненому, но тогда уже конный нѣмецъ ударилъ Иваныча пикой по плечу и, какъ звѣрей какихъ-то, съ гиканьемъ отогналъ отъ умирающаго.

— Можетъ, санитары ихніе подберутъ,—поглаживая плечо, промолвилъ Иванычъ, и вмѣстѣ съ Мишуткой протолкался въ задніе ряды нашихъ, уходившихъ вглубь лѣса.

Постепенно замиравшіе въ отдаленіи крики и стоны брошеннаго солдата наконецъ умолкли.

Лѣсъ кончился и колонна вышла въ поле, на дорогу, и растянулась, извиваясь на ея поворотахъ.

Послѣдніе, прощальные лучи солнца изрѣдка поблескивали на нѣмецкихъ штыкахъ, которые на фонѣ блѣднаго осенняго неба щетинились, когда колонна поднималась на пригорки.

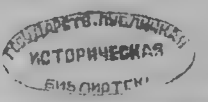
Михаилъ и Иванычъ шли молча, думая каждый свою думу. У Мишутки на душѣ было теперь безпокойно и совѣсть мучила его. Послѣдняя картина брошеннаго умирающаго заставила его призадуматься и невольно вспомнились ему слова старика-отца, участника Крымской кампаніи, когда тотъ суровый своей сѣдиной спокойно благословлялъ сына на ратный подвигъ. Какъ живыя звучали сейчасъ въ ушахъ Мишутки эти слова:

«Бейся,—говорилъ старикъ,—бейся до послѣдняго, но живымъ не сдавайся! Помни присягу и долгъ—передъ Царемъ Батюшкой и Святой Русью!..»

И слова эти, которыя повторяла теперь совѣсть Мишутки, стали ему казаться иными, чѣмъ онъ ихъ понялъ при прощаніи въ деревнѣ, гдѣ надрывалась, плача, его мать, надѣвая ладонку на шею своему младшему сыну Мишуткѣ. Тогда онъ плохо сознавалъ, что происходило кругомъ, и желалъ только показать передъ своими, что онъ нисколько не боится войны, между тѣмъ какъ на душѣ у него было тошно.

Не выдержалъ Мишутка лишь тогда, когда ихъ, партію молодыхъ запасныхъ, посадили въ вагоны и маленькій сѣденькій станціонный сторожъ Сидорычъ ударилъ три раза въ разбитый колоколъ, а важный, высокій «оберъ» залился трелями своего свистка.

Заревѣлъ Мишутка и, какъ бы стыдясь своего «бабьяго» плача, спрятался въ уголъ теплушки за спины товарищей, не замѣчая уже того,



что мать его долго провожала глазами отходящій поѣздъ, причитая и всхлипывая тонкимъ голосомъ.

А потомъ, въ полку, страхъ сразу прошелъ, въ особенности послѣ перваго боевого крещенія, и изрѣдка только появлялась какая то жуть, всплывая откуда-то изъ глубины и захватывая все существо Мишутки.

— А что, Михаилъ, не знаешь, какъ намъ въ плѣну будетъ?—прервалъ его мысли Иванычъ.

— Господь ихъ знаетъ, можетъ, и ничего,—отозвался тотъ.

— Страху какъ-бы поменѣ,—промолвилъ Иванычъ.

— Можетъ, и такъ,—нехотя согласился Мишутка.—Говорили, что больно свирѣпъ нѣмецъ и мучитъ нашихъ зря. Казакамъ, сказывали, лампасы на тѣлѣ вырѣзываютъ.

— Говорили,—протянулъ Иванычъ.—Да, можетъ быть, не всѣ нѣмцы такіе звѣри. Можетъ, есть среди нихъ люди, какъ люди. Вѣдь крещеные они, а не басурманы какіе!

Разговоръ оборвался—партія остановилась и часть конныхъ нѣмцевъ сошла съ лошадей.

— Ну, теперь поѣсть дадутъ,—сообразилъ Мишутка, у котораго съ утра ранняго ничего во рту не было.

— Хороши были щи да каша у нашего кашевара Алексѣя,—ни къ кому не обращаясь, произнесъ вслухъ Иванычъ.—Вотъ-бы ихъ теперь отвѣдать,—знатно вышло-бы.

У Мишутки отъ воспоминанія сладостно засосало подъ ложечкой и во рту пошла слюна.

Но напрасно! Нѣмцы огней не разводили, боясь русскихъ развѣдокъ, а вытащили изъ ранцевъ куски хлѣба и колбасы и, какъ бы издѣваясь передъ изголодавшимися плѣнными, поѣли, выкурили трубки и, взявшись за ружья, снова погнали нашихъ въ темноту наступившей ночи.

— Черти! Дьяволы!—выругался Иванычъ.—Что-бъ ихъ...—и прибавилъ крѣпкое русское словцо.

— Смотри, Мишутка! Сами жрали, а нашему брату—шишъ!

Но Мишутка на это ничего не отвѣтилъ: ужъ очень ему обидно стало. Да еще появился и второй врагъ, кромѣ голода: сильный, пронизывающій до костей холодъ, казавшійся еще нестерпимѣе отъ поднявшагося вѣтра.

Почуяли холодъ и нѣмцы. Обратились къ толпѣ плѣнныхъ и стали что-то громко объяснять по-своему.

Нашелся среди нашихъ юркій черненькій еврейчикъ, вступившій въ разговоръ съ прусскимъ офицеромъ, начальникомъ конвоя. Еврейчикъ пого-

ворилъ, поговорилъ и перевелъ плѣннымъ, что нѣмцы требуютъ отъ нашихъ шинели.

— Да неужто?! Да какъ-же мы-то?—заголосили кругомъ.

— Грозятъ расправиться по своему,—стращалъ еврей.

— А ты имъ и отдай свою шинелишку,—вразумительно замѣтилъ Иванычъ. Но переводчикъ быстро юркнулъ въ толпу и притихъ.

Нѣмцы кинулись на нашихъ и, вытаскивая изъ толпы по одному, по двое плѣнныхъ, стали ихъ раздѣвать, срывая шинели, теплыя рубахи, бушлаты, сапоги и отбирая заодно деньги.

Въ нѣсколько минутъ вся партія была раздѣта и разута.

Всего хуже пришлось нашимъ раненымъ: съ нихъ сдирали сапоги, несмотря на раздробленныя ноги.

И страшные, нечеловѣческіе крики разнеслись по полю.

Отъ нихъ дрогнули бы самыя преступныя сердца, но не тронули они нѣмцевъ-звѣрей.

Мишутка остался босикомъ и, стоя на ледяной землѣ, ощупывалъ ее смерзшими пальцами ногъ и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, еле-еле успѣвая припрятать языкъ, что-бъ не откусить его.

«Вотъ оно, началось»...—пронеслось у него въ умѣ.

Но думать долго не дали: штыками и прикладами погнали нѣмецкіе изверги голодную, полуголую толпу ограбленныхъ ими людей.

Шли бóльшую часть ночи, и Мишутка, потерявшій Иваныча, едва различалъ идущихъ рядомъ солдатъ, да изрѣдка слышалъ озлобленный окрикъ конвойнаго.

А во рту пересохло; жажда мучила; голодъ сверлилъ внутри, а стужа нестерпимая, еще болѣе страшная ночью, леденила руки и израненыя долгой ходьбой ноги.

Многіе отстали... Многіе падали на замерзшія колеи дороги, да такъ и оставались, а нѣмцы гнали и гнали толпу, не давая ни отдохнуть, ни помочь товарищамъ.

Упадетъ кто-нибудь и останется лежать, а потомъ издали донесется отчаянный крикъ, оборвется и замолкнетъ.

Наконецъ, когда начало свѣтать, только заря занялась, подошли плѣнные къ деревнѣ, вѣрнѣе, къ кучамъ почернѣвшихъ отъ пожара бревенъ съ одиноко торчащими между ними трубами.

Нѣсколько крестьянъ-поляковъ вышли на дорогу посмотрѣть, кого ведутъ.

Наши, было, обрадовались и стали кричать—просили чего нибудь

поѣсть, но у самихъ погорѣльцевъ ничего не было; только маленькій мальчонка кинулъ плѣннымъ горбушку засохшаго хлѣба.

Къ этой горбушкѣ подскочили наши, да не тутъ-то было: на нихъ бросились нѣмцы и на глазахъ обезумѣвшихъ плѣнныхъ четверыхъ нашихъ солдатъ прикололи штыками.

Три ночи и два дня гнали плѣнныхъ, голодныхъ и томившихся жаждой.

И только утромъ на четвертыя сутки наши солдаты попали на нѣмецкую желѣзнодорожную станцію.

Многихъ уже не досчитали наши и партія растаяла на половину.

Сразу же всѣхъ загнали по 80—90 человѣкъ въ вагонъ и заперли.

Мишутка очутился лежащимъ подъ какимъ то худымъ, длиннымъ парнемъ. Воздуха не хватало. Окровавленныя ноги ныли нестерпимо. Силы уходили. Страданія еще усилились, когда поѣздъ тронулся и тряскіе вагоны закачались во всѣ стороны. Мишутка потерялъ сознаніе.

И очнулся только тогда, когда стаскивали съ него трупъ умершаго въ дорогѣ товарища.

Потащили и Мишутку, но онъ закричалъ. Хотѣлъ вскочить на ноги, да не смогъ,—повалился: ноги отмерзли.

На четверенкахъ подъ пинькамии сапогъ и ударами прикладовъ поползъ къ высокой телѣгѣ, но туда его не пустили.

Телѣга тронулась, нагруженная полуживыми тѣлами, а Мишутка собралъ послѣднія силы и поднялся, но идти не могъ.

— Ишь ты, горемычный, пособлю ужъ тебѣ,—раздался за его спиной чей то голосъ, и Иванычъ подхватилъ его подъ руки.

Кое-какъ добрели до какихъ то длинныхъ деревянныхъ бараковъ, окруженныхъ заборомъ изъ калючей проволоки.

Нѣмцы высыпали изъ телѣги нашихъ плѣнныхъ, остальные подошли сами.

— Ну, вотъ теперь хоть на поганомъ, а все-же мѣстѣ,—подбадривалъ Мишутку Иванычъ.

Тотъ ничего не отвѣтилъ, сѣлъ на землю и уткнулся въ согнутыя колѣни.

Появился откуда-то еврей, хотя безъ шинели, но въ сопогахъ и верблюжьей курткѣ, и объяснилъ, что здѣсь будутъ жить наши.

— Какъ такъ жить?—спросилъ босой фельдфебель Мишуткиной роты Сидоровъ.—Гдѣ? Въ баракахъ этихъ?—ткнулъ онъ пальцемъ въ сторону построекъ.

— Нѣтъ: тѣ, говорятъ, заняты, а тутъ вотъ,—указалъ еврей на землю.— Нѣмцы сказали, что бараки должны сами выстроить, а пока дадутъ только тюфяки.

— Нехристи поганые!—громко выругался фельдфебель.—Братцы,— обратился онъ къ окружившимъ его плѣннымъ,—видано-ли?

Онъ говорилъ все громче и громче, но тутъ къ нему подошелъ одѣтый въ щегольскую шубу нѣмецъ со стеклышкомъ въ глазу и закрученными вверхъ усами.

— Русскій скотина!—визгливо закричалъ онъ на ломаномъ русскомъ языкѣ.—Какъ смѣть такъ разговаривайтъ!... Я тебѣ!...

И, повернувшись къ подбѣжавшимъ и вытянувшимся во фронтъ двумъ нѣмецкимъ унтерамъ, отдалъ имъ какое то приказаніе и отошелъ въ сторону.

Унтеры быстро подскочили къ нашему фельдфебелю и, схвативъ за руки, потащили къ стоявшему посреди двора столбу.

— Повѣсятъ,—мелькуло у Мишутки, и онъ отвернулся. Нѣмцы же достали веревокъ и привязали фельдфебеля спиной къ столбу, прикрутивъ руки и ноги, а затѣмъ затянули петлей голову и шею.

— Будетъ помнить!... Свиное... Каналья!—завизжалъ нѣмецъ въ шубѣ и, подойдя къ связанному фельдфебелю, ткнулъ его перчаткой въ лицо.

Фельдфебель молчалъ и только поводилъ налившимися кровью глазами.

— Мучители! Ироды!—прошепталъ маленькій, скуластый солдатикъ, стоявшій рядомъ съ Мишуткой.

Вся толпа плѣнныхъ угрюмо молчала.

Жалко было Мишуткѣ своего фельдфебеля: хорошій онъ былъ, правильный человѣкъ. Никого въ ротѣ не обидѣлъ... Въ бою шелъ всегда впереди...

И теперь безъ единаго стона переносилъ муки...

А онѣ продолжались долго: больше двухъ часовъ стоялъ онъ привязанный къ столбу и когда глаза у него начинали закатываться и тѣло отвисало внизъ, приставленный къ Сидорову часовой брызгалъ ему въ лицо изъ лоханки холодной водой, чтобы тотъ приходилъ въ себя.

Тучи нависли низко надъ землей и сталъ падать снѣгъ, покрывая бѣлой пеленой землю, крыши бараковъ и застывшую въ безмолвіи толпу нашихъ страдальцевъ.

Полумертваго фельдфебеля отвязали и бросили на землю у столба.

Унтеры-нѣмцы погнали нашихъ черезъ дворъ къ одному изъ бараковъ, гдѣ были сложены тонкія доски. Изъ этихъ досокъ, какъ перевелъ еврей, плѣннымъ надо было строить себѣ жилища.

Наконецъ, принесли на палкахъ ушаты съ пищей; это была болтушка изъ кукурузной муки, скорѣй похожая на помои, чѣмъ на людскую ѣду.

Всеже толпа голодныхъ солдатъ набросилась и на это пойло, съ жадностью глотая мутную жижицу. Мишутка кинулся тоже къ ушату, но былъ жестоко избитъ длиннымъ, похожимъ на таракана, нѣмцемъ за то, что потянулся за пищей черезъ спину товарища.

Нахлѣбавшись болтушки, приступили къ работѣ.

Рыть мерзлую землю было выше силъ человѣческихъ, а таскать доски окоченѣвшими руками едва могли нѣкоторые самые выносливые плѣнные.

Нѣмцы же похаживали вокругъ съ палками, и какъ только кто-нибудь пріостанавливался, желая передохнуть, били по чему попало.

Мишутка и Иванычъ отошли къ грудѣ досокъ и остановились.

— Знаешь, что я тебѣ скажу?—обратился къ Мишуткѣ Иванычъ,— плохо наше дѣло. Помнишь, въ дорогѣ наши падали и отставали? Такъ вотъ вѣрно тебѣ говорю: самъ своими глазами видѣлъ, какъ нѣмцы нашихъ приканчивали. Лежитъ это нашъ-то, сердешный, и таково жалобно стонетъ, а нѣмецъ поганый его штыкомъ—разъ! А если еще закричитъ, то и другой и третій...

— Господи Іисусе... да ужели взаправду такъ было?—взмолился Мишутка.

— Истинное слово тебѣ говорю. Видѣлъ самъ, вотъ какъ тебя сейчасъ вижу....

Разговоръ ихъ прервалъ нѣмецъ, окрикнувшій ихъ.

Подбѣжалъ, замахнулся палкой.

Наши схватили жердину и почти бѣгомъ потащили ее къ серединѣ двора.

А снѣгъ все шелъ и шелъ. Вечерѣло. Надвигалась ночь.

Привезли на подводахъ кучу грязныхъ вонючихъ тюфяковъ и, словно псамъ, разбросали ихъ по двору.

Изъ-подъ рванаго холста проглядывали смявшіяся грубыя стружки.

— Вотъ тебѣ и спи такимъ манеромъ,—попробовалъ пошутить одинъ изъ плѣнныхъ, московскій приказчикъ Березкинъ.

— Хуже, чѣмъ собакамъ. И тѣ, поди, въ конурѣ подъ крышей, а мы-то—прямо подъ снѣгомъ,—раздался чей-то голосъ.

Мишутка улегся, но не спалось ему.

Падавшій снѣгъ забирался подъ рубаху, таялъ на лицѣ, каплями скатывался за воротъ, и холодная дрожь пробѣгала по всему тѣлу Мишутки.

Чувствовалъ онъ, какъ сильнѣе заныли отмороженныя руки и ноги. Дыханье останавливалось въ груди и память какъ будто покидала его. Промаялся онъ такъ до разсвѣта, когда послышались голоса: входила во дворъ новая партія плѣнныхъ.

— Не наши-ли опять?—подумалъ Мишутка.

Кругомъ изъ-подъ лохмотьевъ стали подниматься головы солдатъ. Но партія оказалась не русской. Это были французы и англичане. Имъ принесли вчерашній ушатъ съ болтушкой.

Одинъ изъ англичанъ понюхалъ пойло, но ѣсть не сталъ, а вылилъ свою чашку на землю.

Это увидѣлъ стоявшій недалеко нѣмецъ и съ ругательствами подошелъ къ спокойно стоявшему англичанину.

Мишутка не понималъ ихъ разговора, но видѣлъ, что сейчасъ произойдетъ что-то ужасное.

Лицо и поднятые кулаки нѣмца говорили сами за себя.

Размахнулся онъ, но ударить англичанина не смогъ, такъ какъ тотъ схватилъ его за руку и отпихнулъ отъ себя.

Нѣмцы заревѣли, какъ звѣри, и бросились на безоружнаго англичанина.

Его бы навѣрно растерзали, если бы не подошелъ вчерашній франтъ въ шубѣ и со стёклышкомъ въ глазу.

Онъ сказалъ нѣсколько словъ, и черезъ минуту на дворъ втащили большую пустую бочку, поставили ее вверхъ дномъ и, схвативъ англичанина, привязали его грудью къ бочкѣ.

Затѣмъ нѣсколько человѣкъ нѣмцевъ, вооружившись палками, стали по сторонамъ и по командѣ старшаго унтера начали наносить удары по спинѣ и ногамъ англичанина.

Палки такъ быстро мелькали въ рукахъ палачей, что Мишутка съ трудомъ успѣвалъ слѣдить за ними.

Онъ да и другіе зрители оцѣпенѣли отъ ужаса.

Англичанинъ сначала молча переносилъ побои, но вдругъ закричалъ сдавленнымъ голосомъ.

Плѣнные заколыхались, заговорили...

Палачи сняли англичанина съ бочки и положили на землю. Онъ не двигался.

— Братцы, да онъ мертвый,—закричалъ кто-то.

День занимался холодный и пасмурный. Погнали на работы.

Прибыло еще нѣсколько партій плѣнныхъ.

Бараки, длинные, крытые плохими досками, выросли на голой площадкѣ, окруженной заборомъ изъ нѣсколькихъ рядовъ колючей проволоки. Въ каждомъ баракѣ на земляномъ мокромъ полу должны были спать до трехъ тысячъ человѣкъ плѣнныхъ.

Стѣнки были тонкія и дырявыя и вѣтеръ свободно гулялъ внутри жилищъ.

Дрогли отъ стужи солдатики.

Все отопленіе состояло изъ двухъ маленькихъ желѣзныхъ печекъ, вонючихъ и наполнявшихъ баракъ смрадомъ и дымомъ.

Многіе изъ плѣнныхъ заболѣли. Многіе отъ голода и непосильной работы поумирали. И каждую ночь нѣмцы выносили по 10—15 труповъ, наскоро заколачивали въ деревянные гробы и гдѣ-то хоронили.

У Мишуткина сосѣда по бараку, сорокалѣтняго ярославскаго мужика Савельича, раненаго саблей въ плечо, начинала гнить рука.

Сколько ни просили Мишутка и его товарищи оказать помощь Савельичу, никто къ нему не приходилъ.

Въ ранѣ у Савельича появился гной и копошились черви, а самъ онъ лежалъ въ жару и бредилъ.

.... Было раннее утро, когда въ баракъ ввалился нѣмецкій унтеръ и погналъ всѣхъ на работы.

Савельичъ встать не могъ, да онъ и не слышалъ окриковъ унтера.

Подбѣжалъ къ нему нѣмецъ, сорвалъ съ него рваное одѣяло.

Разметавшійся Савельичъ не двигался. Унтеръ, увидѣвшій рану, схватилъ полѣно и со всего размаха ударилъ имъ по гніющему плечу.

Страшнымъ голосомъ закричалъ Савельичъ, погружая судорожно корчившіеся пальцы въ открывшуюся рану, откуда лилась кровь, перемѣшанная съ гноемъ.

Вскочилъ и, какъ былъ, босой, въ одной рубахѣ выбѣжалъ наружу.

Унтеръ погнался за нимъ. Подбѣжали и другіе нѣмцы.

Заставили Савельича стоять босикомъ на снѣгу. Не могъ Савельичъ, падалъ.

Тогда его подвязали къ столбу.

Мишутка сначала издали смотрѣлъ, что будутъ нѣмцы дѣлать съ Савельичемъ, но не выдержалъ и побѣжалъ къ собравшимся идти на работы товарищамъ.

Плѣнныхъ уже выстроили и распредѣляли по партіямъ на работы.

Первыми ушли тѣ, которые должны были рыть помойныя ямы.

Потомъ отправилась партія вывозить нечистоты изъ отхожихъ мѣстъ.

Мишутка же съ Иванычемъ попали вмѣстѣ съ двумя другими нашими солдатами, хохломъ Нечипоренкой и полякомъ Бржеславскимъ, на шоссе около лагеря возить щебень. Смотрѣть за ними поставили двухъ старыхъ нѣмцевъ - ландштурмистовъ.

Одного—высокаго, худого, другого—маленькаго, толстаго. У обоихъ за спинами болтались охотничьи ружья.

Маленькій, толстый свободно говорилъ по-русски: былъ изъ Прибалтійскаго края, гдѣ занимался хозяйствомъ въ имѣніи у какого-то барона.

— Это еще что,—говорилъ онъ, попыхивая вонючей сигарой, — это развѣ тяжелая работа возить въ телѣгѣ щебень? Вотъ весной французы да вашъ братъ—русская свинья—пахали. Да какъ: запрягали ихъ восьмерыхъ въ плугъ, да такъ и гоняли по полю. Смѣшно было! Ахъ, мейнъ Готъ (мой Богъ), какъ смѣшно!

Нѣмецъ залился хриплымъ смѣхомъ и прерывающимся голосомъ перевелъ сухопарому товарищу свои слова и оба захохотали.

Мишутка и трое другихъ плѣнныхъ надрывались, таща по замерзшей дорогѣ груженую до верха щебнемъ телѣгу, и веревки больно рѣзали имъ плечи.

— А то вотъ осенью,—захлебываясь отъ душившаго его смѣха, продолжалъ нѣмецъ,—человѣкъ тридцать вашихъ дураковъ впрягли вмѣсто лошадей въ катокъ для укатыванія шоссе. Доннеръ веттеръ, варъ-съ гутъ! (Чортъ побери, хорошо это было!).

И снова раздались раскаты наглаго смѣха.

Когда плѣнные, обезсиленные и валившіеся отъ усталости съ ногъ, возвратились въ лагерь, то нашли тамъ сильное оживленіе.

Нѣмцы всѣхъ выгоняли во дворъ, строили рядами, и то и дѣло съ криками бросались на тѣхъ, кто чуть-чуть нарушалъ равненіе.

Этихъ несчастныхъ съ ругательствами избивали палками.

Мишутку и его трехъ товарищей также втолкнули въ строй.

Оказавшійся рядомъ съ Мишуткой низенькій, коренастый солдатъ съ вѣчно испуганнымъ рябымъ лицомъ подтолкнулъ тихонько Мишутку и боязливо, оглянувшись по сторонамъ, зашепталъ:

— Слышалъ? Намедни Савельича босикомъ къ столбу ставили... Кончается...—И еще тише добавилъ:—Его послѣ заставили на четверенькахъ по-двору ползать. Проползетъ это онъ шага два-три и свалится, а унтеръ, знаешь, рыжій, усатый, его сзади штыкомъ.

— За что же его такъ мучили?—еле шевеля губами, спросилъ Мишутка.

— Да все за то же, что на работу не пошелъ. Не вѣрятъ, что боленъ. Вотъ онъ теперь Богу душу и отдаетъ.

Мишутка перекрестился.

...Передъ фронтомъ появились нѣмецкіе офицеры. Одинъ изъ нихъ обратился на русскомъ языкѣ къ плѣннымъ и объявилъ, что одни изъ нихъ будутъ посланы на французскій фронтъ рыть окопы, другіе подъ Кенигсбергъ строить укрѣпленія, а остальные пойдутъ на заводы Круппа выдѣлывать снаряды.

Воцарилась жуткая тишина.

Нѣмцы побрякивали саблями. Вдругъ чей-то голосъ внятно произнесъ:

— Не поѣдемъ!...

Его поддержали другіе голоса. Въ рядахъ плѣнныхъ пробѣжалъ глухой ропотъ.

— Ахъ, вотъ что?!—уже заоралъ покраснѣвшій, какъ ракъ, нѣмецкій офицеръ.—Я вамъ покажу, мерзавцы!... Смир-р-р-но!.. Будете такъ стоять до завтрашняго дня...

Голодные, полуодѣтые плѣнные долго стояли въ рядахъ и если кто нибудь изъ нихъ шатался, то къ нему подбѣгалъ нѣмецъ-солдатъ и билъ его кулакомъ или палкой по лицу, по груди, словомъ, куда попадетъ.

Нѣсколько часовъ держали нашихъ въ строю.

Мишутка стоялъ и чувствовалъ, что ноги у него деревенѣютъ, затекаютъ и вотъ-вотъ онъ сейчасъ свалится. Для людей больныхъ, истощенныхъ голодомъ, заморенныхъ непосильнымъ трудомъ и вѣчными побоями, эта пытка была ужасна, но мысль, что иначе придется помогать врагу противъ своихъ же, поддерживала Мишутку и его товарищей.

Мишутка крѣпился, что есть силы, и еле-еле побрелъ къ бараку, когда плѣнныхъ, наконецъ, отпустили. Нѣмецъ офицеръ окрикнулъ шедшаго рядомъ съ Мишуткой Павла Крынку.

Уже немолодой, неуклюжій Павелъ Крынка, совсѣмъ непохожій въ своихъ лохмотьяхъ на солдата, остановился. Онъ былъ хорошій оружейный мастеръ, не разъ говорившій другимъ плѣннымъ о своемъ ремеслѣ.

Прознали объ этомъ и нѣмцы, но до сихъ поръ не трогали Крынку.

— Пауль Крынка!—обратился къ нему нѣмецкій офицеръ.—Тебѣ будетъ хорошая работа. Много вашихъ солдатъ сдались кайзеру въ плѣнъ. У нихъ отобрали ружья и ихъ надо передѣлать для метанія ракетъ, что-бъ освѣщать окопы.

И онъ внимательно посмотрѣлъ на Крынку, но тотъ молчалъ.

— Что-жъ молчишь?—грубо крикнулъ нѣмецъ.

Крынка низко опустилъ голову. Тогда пруссакъ вплотную подошелъ къ нему.

Крынка вдругъ поднялъ глаза на нѣмца и твердо произнесъ.

— Нѣтъ, не буду передѣлывать для васъ нашихъ винтовокъ! Не могу...

Громадный широкоплечій фельдфебель, по знаку офицера, подошелъ къ Крынкѣ. Огромный его кулакъ поднялся высоко надъ головой и быстро опустился на лицо Крынки.

Мишутка, со страхомъ смотрѣвшій на происходившее изъ дверей барака, зажмурилъ глаза и только слышалъ сухіе удары.... кряканье Крынки, перешедшее въ стонъ, а потомъ въ сплошной неистовый крикъ.

Мишутка раскрылъ глаза и увидѣлъ, что лежавшаго на землѣ Крынку нѣмецъ молотитъ, что есть духу, по головѣ.

— Братцы!...—на смерть убиваютъ, взвизгнулъ Мишутка и вбѣжалъ въ баракъ.

— Что съ тобой?—спросилъ поднявшійся ему навстрѣчу Иванычъ.

— Крынку убиваютъ!...—захлебываясь отъ страха, кинулъ Мишутка.

Ихъ обступили.

— Пойдемъ, выручимъ... Мочи нѣтъ долѣ терпѣть!... Лучше смерть, чѣмъ такія муки,—зашумѣли солдаты.

Двинулись къ дверямъ, но двери оказались уже запертыми снаружи.

Хотѣли ихъ ломать, но Иванычъ сталъ уговаривать.

— Ребята!... Все равно Крынкѣ мы ничѣмъ не поможемъ, а нѣмцы рады будутъ, ежели мы двери повыломаемъ. На руку имъ насъ переколоть... Ртовъ меньше и сторожей лишнихъ держать не надо будетъ.

— И то правда,—согласился степеннаго вида солдатъ, бывшій на родинѣ у себя сельскимъ старостой.

Рѣшили на этотъ разъ дверей не ломать, чтобы тѣмъ самымъ не угодить нѣмцамъ.

Время шло. Нашихъ плѣнныхъ оставалось уже немного.

Умирали люди, какъ мухи. У многихъ развилась чахотка. Лечить ихъ никто не лечилъ.

Грязища была страшная: бань не было, насѣкомыя одолѣвали.

Съ голоду солдаты ходили къ помойной ямѣ и ѣли отбросы, картофельную шелуху и даже бумагу.

По лагерю пошелъ тифъ и косилъ плѣнныхъ направо и налѣво.

Нѣмцы придумывали муки и издѣвательства надъ нашими: гоняли

«по-сорочьи» на дворѣ и заставляли попусту носить пудовые мѣшки съ пескомъ.

Словно темная непроглядная ночь опустилась на нашихъ плѣнныхъ и держала ихъ въ вѣчномъ страхѣ, напоминая ежеминутно о смерти въ чужой, далекой сторонѣ, гдѣ никто не придетъ помолиться надъ могилой.

Занемогъ и Мишутка: надорвался работой; отмороженныя раньше ноги теперь стали пухнуть и чернѣть.

А когда, однажды, онъ, какъ и Савельичъ, не смогъ выйти на работу изъ барака, нѣмецъ-часовой ткнулъ его въ бокъ штыкомъ.

Къ счастью, что не глубоко, но въ ранѣ, завязанной истлѣвшимъ тряпьемъ, появился гной, а скоро завелись и черви. Болѣе всего боялся Мишутка этихъ червей, которыхъ еще видѣлъ у Савельича.

Представлялось ему, что такіе же черви бываютъ и на трупахъ.

Грезилось по ночамъ, когда онъ метался въ жару, что онъ померъ и лежитъ въ землѣ, а черви, выросшіе въ большущихъ змѣй, пожираютъ его.

Какъ-то ночью показалось Мишуткѣ, что пришли за нимъ нѣмцы и хотятъ нести его заживо хоронить.

Очнулся онъ и вскочилъ. Голова шла кругомъ, въ глазахъ носились золотые круги. Никакихъ нѣмцевъ не было. Рядомъ съ нимъ въ темнотѣ лежалъ, похрапывая, Иванычъ. Разбудилъ его Мишутка.

— Иванычъ, чую я, что скоро помереть должонъ,—дрожащимъ шопотомъ проговорилъ онъ.—Только не боюсь теперь смерти. Во сто кратъ краше она нѣмецкой неволи. Такъ отпиши въ деревню...

— Да Христосъ съ тобой,—перебилъ его Иванычъ.—Съ чего ты такъ?—прибавилъ онъ, но, взглянувъ на Мишутку, замолкъ.

— Такъ отпиши или скажи тамъ, ежели когда въ Россею попадешь, батькѣ моему, что вѣрно онъ тогда говорилъ, что-бъ въ плѣнъ не сдаваться. А маткѣ скажи...

Но тутъ силы оставили Мишутку, и онъ разразился глухими, горестными рыданіями. Иванычъ обнялъ его.

— Не плачь, родимый! Христосъ терпѣлъ и намъ терпѣть повелѣлъ...

Иванычъ подождалъ, пока Мишутка немного успокоится, и продолжалъ.

— Думали мы, дураки, что нѣмцы тоже люди... Какъ бы не такъ: хуже звѣрей они. Не лечутъ они насъ, да въ холодѣ и въ голодѣ держатъ... И не спроста. Сдается мнѣ, что это все у нихъ обдумано, обмозговано... Навѣрно и приказъ у нихъ такой есть, чтобы побольше нашихъ умирало...

— Зналъ бы,—шепталъ Мишутка, почти не слушая Иваныча,—ни въ жисть бы не сдался.

Долго сидѣли они. О многомъ переговорили.

И только Мишутка сталъ не то дремать, не то въ забытье впадать, какъ двери распахнулись и нѣмцы стали выгонять нашихъ на работы.

Силы совсѣмъ оставили Мишутку—и нѣмецкіе солдаты вытащили его за ноги, за руки сначала во дворъ, а потомъ поволокли куда-то дальше.

— Конецъ,—думалъ въ тоскѣ Мишутка.

Боялся онъ, чтобы не снесли его въ землянку, гдѣ сваливали нашихъ больныхъ: тамъ уже навѣрно смерть.

Но нѣмцы принесли его къ низенькому, небольшому бараку. Внесли въ полутемную комнату и положили на нары.

Въ едва пробивающемся сквозь тѣсныя окошки предразсвѣтномъ сумракѣ Мишутка различилъ нѣсколькихъ неподвижно лежащихъ на нарахъ людей.

Въ его воспаленномъ мозгу стали вставать образы пережитого, и онъ не скоро разслышалъ, что одинъ изъ тащившихъ его нѣмцевъ что-то кричитъ ему.

Мишутка раскрылъ глаза и мутнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на нѣмца.

Нѣмецъ что-то по своему требовалъ отъ него, но Мишутка никакъ не могъ понять его словъ.

Тотъ, брызгая слюной, оралъ въ ухо больного непонятныя слова и, наконецъ, размахнувшись, ударилъ его кулакомъ въ глазъ.

Комната закружилась и уплыла куда-то въ сторону.

Мишутка потерялъ сознаніе.

Очнулся онъ, когда пришелъ жилистый, сухой человѣкъ въ бѣломъ балахонѣ съ золотыми очками на носу.

— Дохтуръ,—подумалъ Мишутка и заволновался.

За «дохтуромъ» катился другой, шарообразный, старый нѣмецъ съ сизымъ носомъ и гладкой, лоснящейся лысиной.

Оба пришедшіе быстро обходили больныхъ, и нѣмецъ въ золотыхъ очкахъ мимоходомъ кидалъ лежащимъ на нарахъ неподвижнымъ фигурамъ одно слово: «Гутъ», (хорошо...) и, не ожидая отвѣта, шелъ дальше.

Подошли и къ Мишуткѣ, лежавшему у самыхъ дверей.

И тотъ, у кого была лысина, взялся за тряпье, обмотанное вокругъ раны на боку у Мишутки, и быстро сдернулъ повязку. Мишутка вскрикнулъ отъ боли: тряпки вмѣстѣ съ гноемъ присохли къ ранѣ, и боль была нестерпима.

Нѣмецъ въ золотыхъ очкахъ взглянулъ на него и, обратившись къ

другому нѣмцу, прибавилъ нѣсколько непонятныхъ словъ. Затѣмъ они оба вышли.

Черезъ полчаса возвратился уже одинъ изъ приходившихъ—тотъ, у кого была лысина. Онъ подошелъ къ Мишуткѣ, держа въ рукѣ банку съ коричневой жидкостью. Мишуткѣ эта жидкость показалась знакомой; онъ видѣлъ такую у деревенскаго лекаря, но названія этого лекарства вспомнить сейчасъ не могъ. Въ головѣ шумѣло и нѣсколько разъ слышанное слово не приходило на память.

Нѣмецъ осматривалъ рану и вдругъ съ силой ткнулъ въ нее пальцемъ.

Мишутка еще не успѣлъ отойти отъ боли, когда отдирали тряпье, а тутъ снова мука. Закричалъ онъ и схватилъ нѣмца за руку.

На крикъ вошли еще какіе-то люди, а мишуткинъ мучитель вырвалъ руку, поставилъ на нары банку съ лекарствомъ и, обтирая пальцы полотенцемъ, громко и быстро о чемъ то говорилъ пришедшимъ, указывая глазами на Мишутку.

Тотъ ожидалъ побоевъ, и лицо его блѣдное, худое выражало тупую готовность перенести новыя страданія.

Его удивило, что нѣмцы не начинаютъ его бить.

Наоборотъ, лица у нихъ повеселѣли и до слуха Мишутки донеслось такъ долго разыскиваемое въ памяти слово «іодъ».

«Да, да,—припомнилъ онъ—іодъ. Это и въ полку у насъ нынче смазывали раны, чтобы не загнивали. Это—хорошо».

Нѣмецъ же приблизился къ Мишуткѣ, раскрылъ банку, обмакнулъ въ нее палочку съ ватой, но, къ удивленію Мишутки, раны мазать не сталъ, а поднесъ палочку къ его лицу и быстро покрылъ ему щеки, подбородокъ и носъ остро пахнущей жидкостью.

Іодъ попалъ и въ глаза. Мишутка дико взвылъ отъ жгучей боли.

Нѣмцы захохотали и выбѣжали, хлопнувъ дверью.

— Проклятые мучители,—донесся изъ угла комнаты голосъ.—Какъ они тебя, разнесчастнаго, изукрасили. Черный ты, будто нечистый...

Мишутка извивался и старался протереть глаза. За дверью слышался громкій хохотъ.

У Мишутки сдѣлалась горячка. Умъ помутился, и онъ лежалъ въ забытьи.

Хотѣлось ему изрѣдка, когда память немного возвращалась, повидать Иваныча и досказать конецъ письма въ деревню. Но потомъ опять все становилось для Мишутки безразличнымъ. Только въ воспаленномъ мозгу

его появлялись будто огненныя слова старика-отца: «Биться до послѣдняго, а въ плѣнъ не сдаваться»...

Какъ-то ночью Мишутка въ полуснѣ увидѣлъ свою мать, горько плакавшую надъ нимъ. Онъ съ усиліемъ поднялся.

Двое людей возились у наръ. Тутъ же мерцалъ огонекъ въ закоптѣломъ фонарѣ.

Люди эти были нѣмцы и уносили только-что умершаго плѣннаго.

Мишутка въ плѣну видѣлъ сотни разъ умиравшихъ нашихъ солдатъ, и сердце его всегда сжималось тоской, а теперь, въ горячкѣ, ему стало страшно и больно.

— Стойте!—загородилъ онъ дорогу, пошатываясь на сгибающихся въ колѣняхъ ногахъ. Стойте!... проклятые!...

Его голосъ вдругъ зазвучалъ громко и рѣшительно.

Проснулись больные и поползли къ говорившему.

— Пустите!... душно мнѣ, не могу... терпѣть больше!... Ироды! Звѣри—вы, а не люди... Что мы сдѣлали вамъ? За что вы насъ мучите?! Братцы!—обратился Мишутка къ своимъ, собирая послѣднія силы.—Ежели кто изъ васъ живъ останется и въ Россею попадетъ... скажите всѣмъ, кого встрѣтите, что нѣмцевъ надо, какъ звѣрей лютыхъ, изничтожить, чтобъ духу отъ нихъ на землѣ не осталось... Да скажите еще, что-бъ бились наши до послѣдняго, но въ плѣнъ живыми ни за что не сдавались. Во сто разъ лучше животъ свой положить въ честномъ бою, нежели въ проклятой нѣметчинѣ, какъ собакѣ, издохнуть!...

Чья-то голова высунулась изъ дверей и быстро скрылась.

Мишутка побѣжалъ къ дверямъ, распахнулъ ихъ и, придерживаясь руками за стѣну, спотыкаясь, вышелъ наружу. Онъ уже не слышалъ, какъ сзади закричали люди, какъ бросились за нимъ.

Мишутка шелъ, какъ зачарованный, не понимая, гдѣ-онъ и что-онъ...

Въ два прыжка часовые очутились передъ нимъ и скрестили штыки у его груди.

Мѣсяцъ въ этотъ мигъ вышелъ изъ-за тучи и озарилъ вдохновенное и вмѣстѣ съ тѣмъ безумное лицо Мишутки съ горящими, глубоко провалившимися глазами. Крестомъ сверкнули нѣмецкіе штыки и глубоко вошли въ его грудь.

Безъ единаго стона опустился онъ на колѣни и словно обнялъ ружья палачей.

Только тонкая алая струйка крови окрасила снѣгъ подъ упавшимъ на землю трупомъ Мишутки и говорила, что здѣсь произошло страшное, дикое дѣло: убили ни въ чемъ неповиннаго страдальца.

Къ окружавшимъ трупъ людямъ подошелъ дежурный по лагерю молодой прусскій офицеръ и, толкнувъ ногой холодѣющее тѣло Мишутки, крикнулъ по-нѣмецки:

— Убрать эту падаль!

Повернулся и пошелъ, недовольный, что изъ-за «такихъ пустяковъ» его оторвали отъ игры въ карты и веселой попойки, устроенной товарищами въ тепломъ, уютномъ докторскомъ кабинетѣ.





